

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

Н.С. Гумилев и А.А. Ахматова

Очерк, предлагаемый вниманию читателя, отличается от иных из этого цикла весьма существенно. Оба его действующих лица – крупные поэты. Еще одно отличие состоит в том, что личность и биография героини лучше известна более широкому кругу людей, даже вне зависимости от их литературных предпочтений. В нашу задачу не входит сопоставление степени их дарований, но исходная позиция, посыл этого очерка – однозначны: Ахматова – муза Николая Гумилева, его Прекрасная Дама, ради которой ему предстоит жить, писать стихи и совершать подвиги, как сформулировал для себя он 24 декабря 1903 г. в Царском Селе, когда произошла их первая встреча.

Именно она – наша главная героиня.

«Мои первые впечатления – царскосельские, – писала Ахматова позднее. – Зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду».

В доме почти не было книг, но мать знала множество стихов и читала их наизусть. Общаясь со старшими детьми, Анна довольно рано начала говорить по-французски. Тогда 14-летняя Аня Горенко была стройной девушкой с огромными серо-зелеными глазами, резко выделявшимися на фоне бледного лица и прямых черных волос. А пылкий 17-летний юноша Николай Гумилев в то время старательно подражал своему кумиру Оскару Уайльду. Для максимального внешнего сходства с английским драматургом

Наиболее ранние фотографии Анны Ахматовой

и звездой европейского эстетизма он носил цилиндр, завивал волосы, подводил глаза и даже слегка подкрашивал губы. Для завершения образа трагического, загадочного, слегка надломленного персонажа Гумилеву не хватало одной детали – поглощенности роковой страстью, терзаниями от безответной или запретной любви, несчастливой личной жизни. На роль прекрасной, но жестокой возлюбленной Аня Горенко подходила идеально. Однако адресатом первой влюбленности Анны, главным персонажем ее девичьих грез был в это время Владимир Голенищев-Кутузов – студент-репетитор из Петербурга. Николай мгновенно пал жертвой необычной красоты и яркой индивидуальности Анны. Она становится для него не только Музой, но Богиней, Русалкой, Колдуньей – именно так Гумилев называл ее. На целых десять лет Анна стала источником вдохновения для молодого поэта. Он забрасывал ее цветами и стихами. Однажды в день ее рождения он по-

дарил Анне цветы, сорванные под окнами императорского дворца.

В будущем, 2019 году, 23 (10) июня исполнится 130 лет со дня рождения великого русского поэта Анны Андреевны Ахматовой. А родилась она в Одессе между 11-й и 12-й станциями Большого

Фонтана. В очерке «Будка. Начало» А. А. скажет о себе: «Я родилась в один год с Чарли Чаплином и «Крейцеровой сонатой» Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии – 1889 г. В ночь моего рождения справлялась и справляется знаменитая древняя «Иванова ночь». Назвали меня Анной в честь бабушки – Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собиралась быть русским поэтом, я сделала своим литературным именем. Родилась я на даче Саракини (так у Ахматовой, на самом деле – Сорокини. – Л. А.)... Дачка эта (вернее, избушка) стояла в глубине очень узкого и идущего вниз участка земли – рядом с почтой. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю»...

Ахматовские места в Одессе не сохранились: ни дачка на 11-й ст. Фонтана (Фонтанская дорога, 78), ни дом на углу улиц Кузнечной и Спиридоновской, где семья жила зимой, ни дача тетки (сестры отца) Аспазии Антоновны

А.А. Горенко

И.Э. Стогова-Горенко

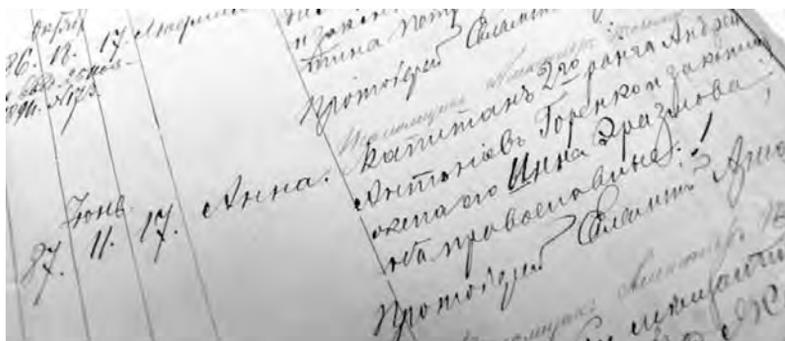
Арнольд в Люстдорфе, где останавливалась Анна Горенко с матерью в 1904, 1906 и 1909 гг.

Отец Анны – инженер, капитан 2-го ранга, вышел в отставку в марте 1887 г. и после этого поселился с семьей в нашем городе (примерно с середины 1887 г.). Есть информация, что А.А. Горенко какое-то время учился в 1870-1872 гг. в Новороссийском университете. Живя в нашем городе, он сотрудничал в «Одесских новостях». Впоследствии, перейдя на государственную службу, получил чин статского советника. Его инициалами – А. Г. – подписаны рецензии на еще не переведенные на русский язык мемуары Дж. Гарибальди, романы Ф. Шпильгагена и А. Доде. Перу Андрея Горенко принадлежат новелла «Философ Сикундус» и рассказ «Влюбленный в бородавку».

Мать – Инна Эразмовна Стогова-Горенко.

Рождение Анны в Одессе подтверждает метрическая запись в книге регистрации, хранящаяся в Одесском областном государственном архиве. Крестили Анну Горенко в Преображенском соборе на Соборной площади. Ее крестными были Романенко Степан Григорьевич и Вальцер Мария Федоровна.

Степан Романенко был родным братом известного народо-вольца Герасима Романенко и сам трижды содержался в одесской тюрьме за участие в студенческих волнениях, за попытку устройства тайной типографии; долгое время находился под гласным надзором полиции. Крестная Ахматовой Мария Федоровна Валь-

Метрическая запись в книге о рождениях. Одесский облгосархив

цер окончила женские Бестужевские курсы и работала преподавателем в женской гимназии Масловой и Градской (Успенская угол Маразлиевской). Упоминание о том, что Ахматова родилась у моря, находим в ее поэме «Реквием»:

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием – не ставить его
Ни около моря, где я родилась,
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов...

(Последние две строки относятся к более поздним тяжелым событиям в жизни поэта...)

Источники приводят довольно забавный эпизод, относящийся к приезду в Одессу в 1904 году. Инна Эразмовна захотела показать дочери дом, где она (Анна) родилась, и когда они подошли к дачному дому на Б. Фонтане, Аня, не задумавшись, сказала: «Когда-нибудь здесь будет висеть мемориальная доска». В очерке «Будка. Начало» Ахматова писала: «Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка. Мама огорчилась. «Боже, как я плохо тебя воспитала!» – сказала она». Известный одесский краевед Р.А. Шувалов нашел и сделал известным точное место несохранившейся дачи Сорокини. Там впоследствии были установлены мемориальный знак-барельеф и ажурная скамейка. Именем Ахматовой была названа улица. Что же касается 1906 года, то в воспоминаниях Ахматовой «Даты. Дачи» есть запись: «Люстдорф. У тетки Аспазии Антоновны (1906 г.). На обратном пути из Киева в Евпаторию. Сорокадневная забастовка в Одесском порту». Еще в 1905 г. Инна Эразмовна после развода с мужем переехала с детьми сначала в Евпаторию, а затем в Киев. Здесь Анна, начавшая учебу в Царскосельской Мариинской гимназии, окончила Фундуклеевскую гимназию и поступила на юридический факультет

Высших женских курсов, отдавая все же предпочтение истории и литературе. Обожала французскую поэзию и с чувством читала на школьных вечерах «Цветы зла» Шарля Бодлера, в подлиннике читала Данте. Из русских поэтов первыми она открыла для себя Державина и Некрасова, затем открылся Пушкин, любовь к которому осталась на всю жизнь.

В жизни одного из поэтов первой когорты Серебряного века Николая Степановича Гумилева тоже многое было связано с нашим городом. Именно здесь начинались и заканчивались его неоднократные путешествия в страны Африки и Азии.

Впервые он посетил Одессу в 1908 г., на старте поездки в Египет, отразив в своем «Африканском дневнике» такое впечатление о ней: «...словно какой-нибудь заграничный город, русифицированный усердным администратором». Ане, конечно, льстило заинтересованное внимание Гумилева, и она с удовольствием гуляла с ним по паркам, они рассуждали о мировой поэзии, читали друг другу стихи... Гумилев вспоминал:

Мы в аллеях светлых пролетали,
Мы летели около воды,
Золотые листья опадали
В синие и сонные пруды.

И причуды, и мечты и думы
Поверяла мне она свои,
Все, что может девушка придумать
О еще неведомой любви.

Говорила: «Да, любовь свободна,
И в любви свободен человек,
Только то лишь сердце благородно,
Что умеет полюбить навек».

Я смотрел в глаза ее большие,
И я видел милое лицо
В рамке, где деревья золотые
С водами слились в одно кольцо.

И я думал: «Нет, любовь не это!
Как пожар в лесу, любовь – в судьбе,
Потому что даже без ответа
Я отныне обречен тебе...»

Однако Анна взаимностью юноше не отвечала, поскольку, как ей казалось, продолжала безответно любить своего учителя. Все-го он предлагал ей выйти замуж за него четыре раза и трижды потерпел фиаско. Когда резкое «нет» прозвучало в первый раз, оно настолько задело самолюбие Гумилева, что он уехал на учебу во Францию, надеясь там забыть свою роковую любовь и вернуться в образе разочарованного трагического персонажа. В Париже Гумилев слушал лекции в Сорбонне, издавал журнал «Сириус», посещал художественные выставки, знакомился с французскими и русскими писателями, художниками. Но ни занятия в легендарной Сорбонне, ни путешествия по прекрасным местам Италии не помогли ему забыть зеленоглазую колдунью, а сам факт его отъезда в Европу вдруг пробудил в Анне чувства столь сильные, что девушка написала, как «издали ловит звук его шагов». Она отправляет Николаю грустное письмо, где описывает свою тоску, одиночество, ненужность. Гумилев тут же приезжает в Крым, где тогда отдыхала семья Горенко. Гуляя вдоль моря, Гумилев говорит Анне, что любит ее по-прежнему и что вспоминал во Франции каждую минуту.

В Крыму последовало второе предложение руки и сердца. Но Аня в этот момент увидела мертвую рыбу на берегу, посчитала это дурным предзнаменованием и второй раз отказала Гумилеву. Несчастный молодой поэт в смятении возвращается во Францию. Там его постигает депрессия, и он решает свести счеты с жизнью, утопившись в озере вблизи города Турвилля-Ривьер в Нормандии. Местные жители и жандармы спасают его. Выжив, Гумилев пишет Анне письмо, где говорит о том, что чувства его настолько сильны, что он не сможет жить, если она не выйдет за него.

Упомянутый выше визит Анны в Одессу летом 1909 г. памятен тем, что, проведя месяц в гостеприимном доме Макса Волошина в Коктебеле, рейсовым судном сюда прибывает Николай Гумилев.

Встретившись с Анной в Люстдорфе, он в очередной, третий раз сделал ей предложение и снова получил отказ.

Но голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое «не надо»...
Царица иль, может быть, только капризный ребенок,
Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда,

– написал он тогда...

После этого третьего отказа, вернувшись во Францию, Гумилев глотает целую банку таблеток и уходит в Булонский лес умирать. Но его снова спасают. Чтобы развеяться и не думать о своей несчастной любви, Николай отправляется на этот раз в Африку. Рождаются такие строки:

Во мраке безрадостном ночи,
Душевной больной пустоты
Мне светят лишь дивные очи
Ее неземной красоты...

Новое путешествие было длительнее других – через Константинополь, Каир, Порт-Саид он добрался до Джибути и Харраре, и в начале 1910 года вернулся в Россию. Кстати, из своих поездок Николай привозил интереснейшие артефакты, в дальнейшем попавшие в частные и государственные коллекции. Весной этого же года в издательстве «Скорпион» вышел третий сборник стихов «Жемчуга» (автор собирался назвать его «Золотая магия»), сделавший Гумилева известным поэтом. Первый его сборник – «Путь конквистадоров», и второй – «Романтические цветы», вышли соответственно в 1905 г. в Санкт-Петербурге, и в 1908 в Париже. Не совсем ясен порядок дат, но утверждается, что еще в ноябре 1909 года Ахматова неожиданно дала согласие на брак, принимая избранника не как любовь, а как судьбу. Подруга Анны Валерия Срезневская позже писала в воспоминаниях о том, что приехавшая к ней Ахматова как-то «...мельком сказала о своем браке, и мне показалось, что в ней ничего не изменилось». У невесты не было никакого радостного возбуждения, счастья и даже же-

лания поговорить о своем избраннике. «Как будто это событие не может иметь значения ни для нее, ни для меня», – вспоминала Срезневская. «Гумилев – моя судьба, и я покорно отдаюсь ей. Не осуждайте меня, если можете. Я клянусь Вам всем для меня святым, что этот несчастный человек будет счастлив со мной», – пишет она в это время Голенищеву-Кутузову. 5 апреля 1910 года поэт отправляет прошение ректору Санкт-Петербургского университета: «Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство разрешить мне вступить в законный брак с дочерью статского советника Анной Андреевной Горенко».

Н.С. Гумилев (сравнительно ранняя фотография)

А Ахматова в своем письме Срезневской поведала страшные мысли: «Птица моя, – сейчас еду в Киев. Молитесь обо мне. Хуже не бывает. Смерти хочу. Вы все знаете, единственная, ненаглядная, любимая, нежная. Валя моя, если бы я умела плакать...». 21 апреля Гумилев напишет Брюсову: «Пишу Вам, как Вы можете видеть по штемпелю, из Киева, куда я приехал, чтобы жениться. Женюсь я на А.А. Горенко, которой посвящены «Романтические цветы». Свадьба будет, наверное, в воскресенье, и мы тотчас же уезжаем в Париж». Венчание, о котором он так мечтал, состоялось наконец 25 апреля (даты в источниках широко варьируют. – Л. А.) 1910 года в Св. Николаевской церкви в Никольской слободе (укр. *Микільська слобідка*) под Киевом. Свадьба была странной. Жених был довольным и гордым, невеста – грустной. Английская исследовательница творчества Ахматовой Аманда Хейт написала в своих мемуарах: «Родственники Ахматовой считали брак заведомо обреченным на неудачу, и никто из них не пришел на венчание, что глубоко оскорбило ее». Судя по многим свидетельствам,

близкие жениха на торжество также не пришли. Довольно широко известны гумилевские строки, написанные в эти дни:

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал – забавницу,
Гадал – своенравницу,
Веселую птицу-певунью.

Покликаешь – морщится,
Обнимешь – топорщится,
А выйдет луна – затомится.
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться...

Надо, однако, заметить, что казавшееся всепоглощающим, роковое, едва не приведшее к самоубийству чувство, которое Николай Гумилев испытывал к Ахматовой, как ни странно, не помешало ему в «режиме ожидания» ее согласия на брак, как, впрочем, и на его фоне, прокрутить несколько романов. Так, в частности, к 1909 году относится «промежуточный» роман Гумилева с поэтессой Елизаветой Дмитриевой (псевдоним – Черубина де Габриа), возникший во время их совместных занятий в Сорбонне, приведший в итоге к дуэли (к счастью – безрезультатной) Гумилева с М. Волошиным. Анна продолжала писать стихи и из взбалмошной девчушки превратилась в величественно-царственную женщину. Ей начали подражать, ее рисовали, ею восхищались, ее окружили толпы воздыхателей. Гумилев полусерьезно-полусуто намекал: «Аня, больше пяти неприлично!».

В 1911 году при активнейшем участии Гумилева был основан «Цех поэтов», в который кроме Гумилева входили Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Владимир Нарбут, Сергей Городецкий, Елизавета Кузьмина-Караваева (будущая «Мать Мария»), Зенкевич и другие. Обоих супругов с тех пор принято считать создателями акмеизма. После свадьбы молодожены действительно уехали

в Париж, где не без проблем провели медовый месяц. Первое стихотворение Анны было напечатано под фамилией Ахматова в 1911 году. Псевдоним она взяла не случайно, фамилией Горенко подписывать стихи ей категорически запретил отец.

Через полгода после женитьбы Николай Гумилев отправился в Абиссинию. Тихий семейный дом стал ему тесен. Жажда романтики, путешествий по далекой Африке оказались еще более сильной страстью. А сердце плакало нежностью...

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф...

В 1912 г. тиражом 300 экземпляров выходит первый сборник Ахматовой «Вечер», после издания которого Ахматова и Гумилев совершили новое совместное путешествие, на сей раз по Италии. Теперь изменилось многое... Немалочисленные легкие увлечения, случавшиеся у Гумилева и раньше, в 1911 году (даты приводятся разноречивые) сменились нешуточной влюбленностью. Сразу после возвращения из очередного вояжа Гумилев посещает имение своей матери, где сталкивается со своей племянницей – молоденькой красавицей Машей Кузьминой-Караваевой (не путать с Е.Ю. К.-К. – «матерью Марией»). – Л. А.). Чувство вспыхивает быстро, и оно не остается без ответа. Однако и эта любовь носит оттенок трагедии – Маша смертельно больна туберкулезом, и Гумилев опять входит в образ безнадежно влюбленного. Здоровье Машеньки быстро ухудшалось, и вскоре после начала их романа с Гумилевым девушка умерла. Правда, ее смерть не вернула Ахматовой былого обожания мужа. И тогда Анна Андреевна решается на отчаянный шаг (формулировка комментаторов. – Л. А.) и рождает Гумилеву 1 октября того же года сына Льва (друзья тут же перекрестили его в «гумильвенка»). Рождение ребенка Гумилев воспринял неоднозначно. Он тут же устраивает «демонстрацию независимости» и продолжает крутить романы на стороне. Впоследствии Ахматова скажет: «Николай Степанович всегда был холост. Я не представляю себе его женатым». Другие романы

Гумилева Анна Андреевна потом живописала вселюдно – добродушно и охотно. Но о Маше говорить избегала. Ограничивалась словами: «В то лето Николай Степанович наполнял альбом Кузьминых-Караваевых посредственными стихами».

Корней Чуковский, познакомившийся с Ахматовой в это время, так описывал ее внешность: «Тоненькая, стройная, изящная, она ни на шаг не отходила от мужа, молодого поэта Н.С. Гумилева, который тогда же, при первом знакомстве, назвал ее своей ученицей. То было время ее первых стихов и необыкновенных, неожиданно шумных триумфов». Анна Ахматова очень рано поняла, что писать надо только те стихи, которые «если не напишешь, то умрешь». Иначе, как она считала, нет и не может быть поэзии. А еще, чтобы поэт мог сочувствовать людям, ему надо пройти через отчаяние, горе и научиться преодолевать их в одиночку. В марте 1914 г. вышла вторая книга стихов Анны Андреевны «Четки», которая принесла ей уже всероссийскую известность. Следующий сборник, «Белая стая», увидел свет лишь в сентябре 1917 г. и был встречен довольно сдержанно. Война, голод и разруха отодвинули поэзию на второй план. Но те, кто знали Ахматову близко, хорошо понимали значимость ее творчества. После начала первой мировой войны в начале августа 1914 г. Н.С. Гумилев записался добровольцем в армию. Вместе с Николаем на войну (по призыву) ушел и его брат Дмитрий Гумилев, который был контужен в бою и умер в 1922 году. Примечательно, что хотя почти все поэты того времени слагали или патриотические, или военные стихи, в боевых действиях добровольцами участвовали лишь двое: Гумилев и Бенедикт Лившиц. Гумилев был зачислен вольноопределяющимся в Лейб-гвардии уланский ее величества полк. К своему участию в войне Гумилев подготовился очень серьезно. Он был отважным человеком и отличным стрелком.

Уже в декабре 1914 г. улан Гумилев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени, а в январе 1915 г. произведен в младшие унтер-офицеры. Летом 1915 г. Гумилев награждается вторым Георгиевским крестом, 3-й степени, за спасение пулемета под огнем противника. На это Анна Ахматова откликнулась несколько скептически: «Долетают редко вести / К нашему крыльцу. / Подарили белый крестик / Твоему отцу...» – написала она маленько-

А. Ахматова и Н. Гумилев с сыном в период первой мировой войны

му Левушке. Анна воспринимает войну как злодейство, направленное именно против России. Она прозревает истину: России придется хуже всех. «Низко, низко небо пустое, / и голос молящего тих: / «Ранят тело твое пресвятое, / мечут жребий о ризах твоих». Но здесь, почти отождествляя себя с Богородицей, Анна Ахматова берет на себя все скорби мира и России и предлагает судьбе жертву. Это нешуточный вызов, судьба не любит дерзости, она примет жертву (Леву придется отдать новому кесарю в 1938 году – формулирует источник), но обманет Анну. В марте 1917 г. Анна Андреевна проводила Николая Гумилева за границу, где тот вступил в Русский экспедиционный корпус. А уже в следующем, 1918 г., когда он вернулся из Лондона, между супругами произошел разрыв, инициатива которого принадлежала Анне. Ахматова сообщает ему ошеломительную весть: она любит другого, а потому им придется расстаться навсегда. К вопросу о причине (причинах) разрыва мы еще вернемся. Несмотря на довольно прохладные к этому времени отношения между супругами, развод

стал для Гумилева настоящим ударом – оказывается, он все еще любил свою Прекрасную Даму Аню Горенко.

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве, глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась.
Завтра, знаю, вернешься покорной...

Осенью того же года Анна вышла замуж за Владимира (Вольдемара) Казимировича Шилейко (1891-1930), ученого ассириолога и переводчика клинописных текстов. Вообще же, личная жизнь женщины и поэта Анны Андреевны Ахматовой представляется крайне непростой и остро драматичной. Немалочисленные романы (в том числе – и на фоне нерасторгнутых браков) и браки, пережитые ею, как правило, заканчивались болезненными разочарованиями. После Гумилева у Ахматовой было еще два мужа, но ни с одним из них она не была долго счастлива. «Вольдемар» Шилейко растапливал самовар ее рукописями, заставлял ее колоть дрова, оправдываясь больной спиной, а после расставания высказался отвратительно: «У меня в доме для всех бродячих собак находилось место, вот и для Анечки нашлось». Формально брак не был расторгнут, но в 1922 г. возникли незарегистрированные семейные отношения с Николаем Николаевичем Пуниным (1888-1953), историком искусства, художественным критиком. И хотя для непосвященных они выглядели счастливой парой, на самом деле их отношения сложились в мучительный треугольник. Ахматовой тогда было негде жить, поэтому ей пришлось согласиться делить одну крышу не только с возлюбленным, но и с его бывшей женой Анной Аренс и дочерью Ириной, и скидываться деньгами на общие продукты. Анна Аренс, оставаясь в доме на правах близкого друга, также очень страдала от этого. Ахматова много помогала Пунину в его литературных исследованиях, переводя для него с итальянского, французского, английского. К ней тогда переехал сын Лев, которому к тому времени было 16 лет. Позднее Ахматова рассказывала, что Пунин мог вдруг за столом объявить резко: «Масло только Ирочке». А ведь рядом сидел ее сын Левушка... В этом доме

в ее распоряжении были разве что диван и маленький столик. Если она и писала, то только в постели, обложившись тетрадами. Пунин ревновал ее к поэзии, опасаясь, что выглядит на ее фоне недостаточно значимым. Как-то в комнату, где она читала друзьям свои новые стихи, Пунин влетел с криком: «Анна Андреевна! Не забывайте! Вы поэт местного царскосельского значения». Однако именно здесь, в «Фонтанном доме», в квартире Николая Пунина Анна Ахматова прожила почти 30 лет. Именно здесь после ее смерти была открыта квартира-музей. Об этой квартире, как и о многих других ситуациях и фактах из жизни Ахматовой, сохранились крайне разноречивые воспоминания современников. Одни описывают «развал и убожество», окружавшие ее здесь. Для других жилье это было освещено «волшебным светом», наполнено красивыми вещами, оставшимися от прежней жизни. Именно о таких «воспоминателях» написала она сама: «врет, как очевидец, врет, как мемуарист...».

Очевидно, последнее в ее жизни брачное предложение ей сделал племянник известного писателя Всеволода Гаршина, академик АМН СССР, патологоанатом Владимир Георгиевич Гаршин (1887-1956). Из агентурного донесения (sic!) от 24 мая 1944 года:

«В эвакуацию в Ташкент А. Ахматова уезжала невенчанной женой профессора Гаршина, которому посвятила немало своих стихов.

Из источника, близкого к окружению объекта, сообщается, что никогда не видели Ахматову такой счастливой, как в этот период. Однако, когда Ахматова вернулась в Ленинград, Гаршин встретил ее холодно и от своего предложения жениться отказался».

Пишут, что он сослался на то, что во сне к его совести воззвал призрак погибшей супруги... Неслучайно в стихах Ахматовой всегда присутствует печальный образ отвергнутой женщины, который, однако, никогда не выглядит жалким. «Нелюбимой быть поэтично», – была уверена эта женщина. А Гаршина она, без колебаний, назвала психически больным...

Много разноречивой информации приводится о характере ее личных отношений с поэтами-современниками А. Блоком, М. Цветаевой, Б. Пастернаком, В. Маяковским. О них пишут по-разному – «встречалась», «общалась», «дружила». С Мандельштамом –

точно дружила. К.И. Чуковский писал: «Ахматова и Маяковский столь же враждебны друг другу, сколь враждебны эпохи, породившие их. Ахматова – есть бережливая наследница всех дореволюционных богатств русской словесной культуры. У нее множество предков – и Пушкин, и Баратынский, и Анненский. А Маяковский в каждой своей строке, в каждой букве есть порождение нынешней революционной эпохи, в ней его верования, крики, провалы, экстазы. Предков у него никаких. У нее – издревле сбереженная старорусская вера в бога. Он, как и подобает революционному барду, – богохул и кошунник». Писатель Эмилий Миндлин вспоминал: «Когда Осип Брик поставил на голосование группы поэтов предложение Маяковского: запретить Анне Ахматовой на три года писать стихи, «пока не исправится», большинство простым поднятием рук поддержало Маяковского». А наряду с этим Лиля Брик в статье «Маяковский и чужие стихи» написала, что он очень любил ее стихи и часто их читал наизусть... Цветаева и Ахматова испытывали друг к другу интерес, но со стороны Марины Ивановны вначале он был явно сильнее. Цветаева полюбила стихи Ахматовой еще в 1912 году, прочитав сборник «Вечер». Посвящала ей стихи (цикл «К Ахматовой» 1916 года), забрасывала ее эмоциональными посланиями, а та отвечала сдержанно, ссылаясь на «аграфию» – утрату способности к письму. До 1922 года они так и не успели встретиться (одна в Москве, другая – в северной столице), а потом Цветаева уехала в эмиграцию и на родину вернулась лишь через 17 лет, в 1939 году.

После этого три встречи – дома у Ардовых, Харджиева и в театре.

Октябрьскую революцию Ахматова не приняла категорически, написав тогда: «...все расхищено, предано, продано; все голодной тоскою изглодано». Но Россию не покинула, отвергнув «утешные» голоса, звавшие на чужбину, где оказались многие ее современники. «Мне голос был, Он звал утешно, / Он говорил: «Иди сюда, / Оставь свой край глухой и грешный, / Оставь Россию навсегда. / Я кровь от рук твоих отмою, / Из сердца выну черный стыд, / Я новым именем покрою / Боль поражений и обид. Но равнодушно и спокойно / Руками я замкнула слух, / Чтоб этой речью недостойной / Не осквернился скорбный дух» («Белая стая», 1917). Не сделала она этого, даже после того как в 1921 г. большевики

расстреляли Николая Гумилева – ее уже бывшего мужа и отца ее единственного сына, как соучастника антибольшевистского заговора – т. н. «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева». Это еще одно личное преступное решение В.И. Ленина, принятое вопреки ходатайству Горького и ряда других деятелей культуры.

При пересмотре этого группового дела в послесталинский период оказалось, что оно было инспирировано известным «около-литературным» чекистом Я. Аграновым.

Начало 20-х годов отмечено новым поэтическим взлетом Ахматовой – выходом поэтических сборников «Anno Domini» и «Полудорожник», закрепивших за ней славу выдающегося русского поэта. (Слово «поэтесса» применительно к себе она категорически отвергала. – Л. А.). В эти же годы она серьезно занималась изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом этих исследований стали работы: «О Золотом петушке», «Каменный гость», «Александрина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году». Новые стихи Ахматовой с середины 20-х годов печатать

Фото Николая Гумилева из следственного дела

Л.Н. Гумилев с матерью и бабушкой
А.И. Гумилевой в детстве

Юношеский портрет

перестали. Ее поэтический голос умолк вплоть до 1940 г. Для Анны Андреевны наступили особенно тяжелые времена. В 1933 году был впервые арестован и через 9 дней отпущен ее сын Лев Гумилев, ставший впоследствии ученым историком-этнографом и географом, писателем и переводчиком, переживший в период репрессий четыре ареста (1935, 1938, 1949) и проведенный в лагерях 14 лет. Взаимоотношения матери с сыном складывались крайне непросто, как, пожалуй, все в жизни нашей героини.

Это касается и его детства, и периода мужания. Последний арест произошел уже после того, как он добился отправки на фронт и участвовал в штурме Берлина. Во всяком случае, все эти годы Анна Андреевна терпеливо хлопотала об освобождении сына, как хлопотала она и за арестованного в то же страшное время своего друга, поэта Осипа Мандельштама. Но если Лев Гумилев все же впоследствии был реабилитирован при жизни, то Мандельштам погиб в 1938 г. в пересыльном лагере под Вла-

дивостоком... Расстрел, смерть от чахотки, самоубийство, эмиграция, арест, смерть в лагере – судьба многих близких ей людей.

В 1965 году Ахматова произнесла в Большом театре речь о Данте, чтобы помянуть в ней «запрещенных» Гумилева и Мандельштама. Позже судьбам тысяч и тысяч заключенных и их несчастным семьям Ахматова посвятила свою великую и горькую поэму «Реквием», помянув в ней Гумилева как своего мужа...

Последнее фото с матерью

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

В год смерти Сталина, когда начал отступать ужас перед репрессиями, Анна Андреевна произнесла пророческую фразу: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: – та, что сажала, и та, которую посадили. Началась новая эпоха». Как обычно, игнорируя хронологическую последовательность, укажу, что начало Отечественной войны застало ее в Ленинграде. В конце сентября 1941-го, уже во время блокады, она вылетела сначала в Москву, а затем через Казань эвакуировалась в Ташкент, где жила до 1944 г. и чувствовала себя не так одиноко благодаря обществу близких и приятных ей людей – Фаины Георгиевны Раневской, Елены Сергеевны Булгаковой, вдовы писателя. Там же она узнала о переменах в судьбе своего сына. Именно тогда Лев Николаевич Гумилев добился отправки на фронт, и просьбу его удовлетворили. Летом 1944 г. Ахматова вернулась в Ленинград. Она выезжала на Ленинградский фронт с чтением стихов, с успехом

прошел ее творческий вечер в Ленинградском доме писателей. Весной 1945 г., сразу после Победы, ленинградские поэты, в их числе и Ахматова, с триумфом выступали в Москве.

И вдруг все оборвалось. 14 августа 1946 г. было опубликовано печально знаменитое постановление Оргбюро ЦК КПСС «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором творчество А. Ахматовой и М. Зощенко определялось как «чуждое идеологически». Общее собрание ленинградской творческой интеллигенции дружно одобрило линию ЦК по отношению к ним. А через две недели Президиум правления Союза писателей СССР постановил «исключить Анну Ахматову и Михаила Зощенко из Союза советских писателей», тем самым оба литератора практически лишались средств к существованию. «Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения не могут быть терпимы в советской литературе». Вот когда уже в другом контексте, по-новому читались ее блокадные стихи: «Мы знаем, что ныне лежит на весах / И что совершается ныне. / Час мужества пробил на наших часах, / И мужество нас не покинет». Ни Ахматова, ни Зощенко до отмены постановления не дожили. Официально Зощенко так и оставался «хулиганом», «пошляком», «подонком литературы». Никто не отменял и доклад главного партийного идеолога Жданова, где он, оперируя дореволюционной цитатой, вырванной из контекста, позволил себе назвать Ахматову «не то блудницей, не то монахиней... у которой блуд смешан с молитвой». Напомню, что оба слова – и монахиня, и блудница – были в те годы одинаково ругательными в устах партийного руководства.

Опала была снята с Ахматовой лишь в 1962 г., когда из печати вышла ее «Поэма без героя», которая писалась 22 года, а в 1964 г. увидел свет поэтический сборник «Бег времени». Любители поэзии приняли эти книги с восторгом – впрочем, они Ахматову никогда и не забывали. Несмотря на долгие годы молчания, ее имя, произносимое с неизменным глубоким почтением, всегда стояло в первом ряду русских поэтов XX века. В 60-е годы к Ахматовой наконец пришло мировое признание. Ее стихи появились в переводах на итальянском, английском и французском языках,

за границей стали выходить ее поэтические сборники. В 1962 г. Ахматовой была присуждена Международная поэтическая премия «Этна-Таормина» – в связи с 50-летием поэтической деятельности и выходом в Италии сборника ее избранных произведений. Процедура вручения премии проходила в старинном сицилийском городе Таормина, а в Риме в советском посольстве был дан прием в ее честь. В том же году Оксфордский университет принял решение присвоить Анне Андреевне Ахматовой степень почетного доктора литературы. В 1964 г. Ахматова побывала в Лондоне, где состоялась торжественная церемония ее облачения в докторскую мантию.

Церемония прошла особенно торжественно. Впервые в истории Оксфордского университета англичане нарушили традицию: не Анна Ахматова всходила по мраморной лестнице, а ректор спускался к ней. Упомянутая выше речь в Большом театре на торжественном вечере, посвященном Данте, стала ее последним публичным выступлением. Все знавшие ее отмечали, что даже в нищете в ее облике, в осанке, в обращении с людьми было что-то величественное, горделивое.

Мне в юности довелось лично в этом убедиться, когда в жаркий июльский полдень 1943 г. в переполненный ташкентский трамвай третьего маршрута, везший меня по бывш. Пушкинской улице на бывш. Комсомольское озеро (все теперь – бывшее в Узбекистане), вошла явно исхудавшая немолодая женщина, осанку которой иначе чем величественной назвать было нельзя, и несколько пассажиров громко прошептали: «Ахматова...». В свои неполные 13 я не знал, кто это, но после моего вопроса мама прочитала мне «Сероглазого короля»...

Немецкий писатель Г.В. Рихтер, присутствовавший при вручении Ахматовой литературной премии в Таормине, называя ее «царицей поэзии», писал: «Анна Ахматова... высокая женщина, на голову выше всех поэтов среднего роста, подобная статуе, о которую разбивались волны времени с 1889 г. и до наших дней. Видя, как она шествует, я внезапно понял, почему в России время от времени могли править именно царицы...». Ее прекрасной внешности гармонически соответствовало истинное величие духа и огромная душевная сила. Именно она, эта сила, давала

Анне Ахматовой возможность стоически переносить клевету и предательство, обиды и несправедливость, нищету и одиночество, которыми так была полна ее жизнь. И проходила Ахматова через все невзгоды так, будто мир земных реальностей для нее не существовал.

«Ахматовскими крестниками» назвали четверку поэтов из близкого окружения Анны Ахматовой конца пятидесятых – начала шестидесятых годов. Это Иосиф Бродский, Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман и Евгений Рейн. Ахматова высоко ценила их творчество. Она была для них, по признаниям Бродского и Наймана, не только литературным, но и нравственным, духовным авторитетом. Найман пишет: «Ахматова учила нас не поэзии, не поэтическому ремеслу, – ему тоже, но походя, и, кому было нужно, тот учился. Она просто создавала атмосферу определенного состава воздуха». Еще одно, относящееся к ним, словосочетание «ахматовские сироты» возникло из стихотворения Дмитрия Бобышева «Все четверо», посвященного памяти Анны Андреевны:

И, на кладбищенском кресте гвоздима,
Душа прозрела: в череду утрат
Заходят Ося, Толя, Женя, Дима –
Ахматовскими сиротами в ряд...

Уникальный образ Анны Андреевны вдохновил многих художников, которые писали ее портреты с натуры, а некоторые – и после ее ухода. Из этих произведений можно было бы составить большую галерею.

Первый сборник стихов Ахматовой, «Вечер», увидел свет в 1912 г. Всего при жизни поэта вышло 13 сборников, в том числе 1 – в Берлине, 1 – в Мюнхене, и 1 – в Тель-Авиве (без ведома автора). В 1918 г. у нас в Одессе был издан сборник «Стихи 1918», содержащий под одной обложкой стихи Блока, Бунина, Ахматовой, Федорова.

В это время Александр Митрофанович Федоров еще жил в Одессе, как и Бунин. Возможно, что сборник готовил Федоров, у которого был роман с юной Аней Горенко в 1905 году. Во всех собраниях сочинений Ахматовой ее творческий путь начинается

с трех стихотворений, написанных тогда в Одессе, посвященных АМФ.

Число посмертных изданий Ахматовой, не только на языке оригинала, не поддается подсчету. Достаточно упомянуть, что сравнительно молодое популярное издательство «Эксмо», существующее менее 30 лет, выпустило 29 изданий произведений Анны Андреевны. Одесские культурологи, поклонники ее творчества Е.М. Голубовский и Л.Л. Сауленко в 1989 г. составили и издали антологию произведений поэтов, посвященных ей, – «Венок Ахматовой», включающую стихи 46 авторов – Блока, Пастернака, Мандельштама, Цветаевой, Гумилева, Хлебникова, Самойлова, Вознесенского и др., в том числе одесситов – Ю. Михайлика, И. Рейдермана, И. Неверова. В год 120-летия Ахматовой в Одесском литературном музее прошла выставка, посвященная юбилею поэта, на которой были представлены оригинальные фотографии, прижизненные издания.

Только в 2016 году стало известно, что кандидатура Ахматовой дважды, номинировалась на Нобелевскую премию по литературе: в 1965 году, когда лауреатом был выбран Михаил Шолохов, и в 1966 году, когда ее совместно удостоились известные авторы Нелли Закс и Шмуэль Агنون. Информацию об этом опубликовала

Это редкое фото Анны Андреевны датируется 1950 годом, но именно такой я видел ее в 1943-м

Портрет Анны Ахматовой работы Амедео Модильяни

Памятный знак на Фонтанской дороге, 78,
в Одессе (автор Т. Судына)

Шведская академия, которая присуждает премию. (Списки нобелевских номинантов засекачиваются на 50 лет. – Л. А.)

В 2011 г. в Париже, в «Opéra Bastille», состоялась премьера оперы «Ахматова» (музыка Брюно Мантовани, либретто Кристофа Гристи). Известен еще целый ряд музыкальных произведений, созданных по мотивам и на стихи А.А. Ахматовой или посвященных событиям ее жизни. Это: «Анна» – балет-моноопера в двух действиях (музыка и либретто Елены Попляновой, 2012), «Четки»: вокальные циклы А. Лурье (1914), С. Прокофьева (1916), М. Чистовой (2003), романсы и песни. Свои воспоминания об Ахматовой оставили Н.Я. Мандельштам, Л.К. Чуковская, Б.Л. Пастернак, о ней писали А. Блок, М. Цветаева, Ф. Раневская и многие другие.

В фильме «Луна в зените», вышедшем в 2007 г., роль молодой Ахматовой сыграла, на мой взгляд, очень удачно, талантливая петербургская

актриса и режиссер Светлана Свирко, поставившая недавно несколько спектаклей в Одесском театре юного зрителя им. Ю. Олеси. Постаревшую героиню сыграла Светлана Крючкова. Анна Андреевна предпочитала сама читать свои стихи на радио, записывала их на виниловых пластинках и без восторга воспринимала попытки делать это даже со стороны крупных

мастеров художественного слова. Исключение составляла известная ленинградская заслуженная артистка РСФСР Тамара Александровна Давыдова, исполнение которой очень напоминало голос и интонации автора. Они были знакомы и неоднократно общались. Мне особенно приятно свидетельствовать об этом, так как Т.А. Давыдова – моя родственница (троюродная сестра моей матери), с которой мы были очень дружны.

Памятник А.А. Ахматовой на набережной Робеспьера в С.-Петербурге напротив бывшей тюрьмы «Кресты»
(авторы Г. Дадонова и В. Реппо)

Как врач-фтизиатр, посвятивший более 65 лет борьбе с туберкулезом, не могу обойти молчанием тот факт, что именно это заболевание было частым и роковым в семье Горенко. От туберкулеза умерли все три сестры Ахматовой – Инна, Ирина и Ия. Подозревали, и небезосновательно, туберкулез у брата Андрея и у самой Ани. Именно поэтому, пытаясь спасти детей, Инна Эразмовна привозила их в Крым. И Аня поправилась тогда. Всю жизнь ей удавалось преодолевать рок. Но болезнь действительно у нее была, и вернулась с началом первой мировой войны. И вот в регистрационной книге туберкулезного санатория в финском городе Хювинкяя появляется запись за 1915 год о том, что с 15 по 30 октября здесь проходила лечение госпожа Anna Gumilow. Ахматовой запретили тогда видеться с сыном – Левушку увезли под Бежецк, в Слепнево, где у Гумилевых было имение. Об этом ее строки:

И жар по вечерам, и утром вялость,
И губ потрескавшихся вкус кровавый.
Так вот она – последняя усталость,
Так вот оно – преддверье царства славы...

Осень – начало зимы 1916 года, до 19 декабря Анна Андреевна в связи с очередным обострением туберкулеза провела в Севастополе, проживая на Екатерининской улице, потом на Большой

Могила А.А. Ахматовой в Комарово

Морской. Но в конечном счете с этим заболеванием ей удалось справиться. В короткой автобиографии, составленной в 1965 г., перед самой смертью, она писала: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них – связь моя со временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые

звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

Она не сетовала на возраст, и старость приняла как должное. Осенью 1965 г. Анна Андреевна перенесла четвертый инфаркт, а 5 марта 1966 г. она скончалась в возрасте 76 лет в подмосковном кардиологическом санатории в Домодедове. 10 марта 1966 года в Николо-Богоявленском Морском соборе Санкт-Петербурга, собравшем пять тысяч человек, прошло отпевание великого русского поэта Анны Андреевны Ахматовой.

Похоронили ее в Комарово, под Ленинградом-Петербургом, где она провела свои последние годы.

P. S. Только что, в августе нынешнего 2018 г., авторитетный исторический журнал «BBC History Magazine» попросил 10 своих компетентных экспертов составить список из 100 женщин, оказавших наибольшее влияние на ход всемирной истории, а затем предложил читателям путем голосования определить место каждой из них на виртуальном пьедестале почета. На первом месте в этом списке «History Magazine» стоит Мария Кюри, которая стала первым в истории двукратным лауреатом Нобелевской премии. В это список вошла Анна Ахматова на 52 строке рейтинга.

